

УДК 94(430)

**«НАЦИЯ С ОРУЖИЕМ В РУКАХ».
ВОЕННАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ И ВСЕОБЩАЯ ВОИНСКАЯ ПОВИННОСТЬ
В ПРУССИИ В 1813–1814 ГОДАХ**

© 2017 г.

Д.В. Стерхов

Российский национальный исследовательский медицинский университет
им. Н.И. Пирогова, Москва

enkiddu@mail.ru

Поступила в редакцию 01.06.2017

Рассматривается процесс трансформации прусской военной системы в годы войны Шестой анти-французской коалиции (1813–1814 гг.). Автор выделяет два направления военной мобилизации в Пруссии весны – лета 1813 г. – идеологический и организационный. Особое внимание уделяется методам и формам введения всеобщей воинской повинности. Анализируется эффективность добровольческих егерских формирований, а также прусской народной милиции (Ландвер и Ландштурм). Подчёркивается компромиссный характер прусского военного закона 1814 г. В заключение делается вывод о том, что победа в войне Шестой коалиции во многом объясняется успехом первой в истории Пруссии массовой народной мобилизации.

Ключевые слова: Наполеоновские войны, война Шестой коалиции, Освободительные войны, Пруссия, всеобщая воинская повинность, Герхард фон Шарнхорст, Ландвер, Ландштурм, Фрайкор Лютцова, Гогенцоллерны.

Наполеоновская эпоха по праву считается переломным моментом немецкой истории. Это было время, когда радикальным образом перекраивалась политическая карта Германии, когда рушился старый социальный порядок, когда стало складываться современное бюрократическое государство. Знаменитые сражения под Йеной и Ауэрштедтом, при Ваграме и, конечно же, битва под Лейпцигом означали, что Германия, кроме всего прочего, вступала в эпоху тотальной войны и массовых армий. Военные преобразования 1806–1815 годов, которые имели место в Пруссии, Австрии и государствах так называемой «Третьей Германии», стали базисом немецкой военной системы вплоть до 1918 года [1, S. 66]. Наиболее ярким примером может служить Пруссия, где в годы Освободительных войн (1813–1815) была создана эффективная военная организация, позволившая мобилизовать широкие слои населения на войну с наполеоновской Францией.

Путь Пруссии к всеобщей воинской повинности оказался чрезвычайно долгим. Для начала следовало реформировать учреждённую в 1733 году Фридрихом Вильгельмом I кантональную систему, а также отказаться от классической прусской военной доктрины, которая в основных своих чертах сложилась в годы правления короля Фридриха II Великого (1740–1786). Фридрицианское военное устройство базировалось на трёх основных принципах. Во-первых, одним из основных способов комплек-

тования армии являлось привлечение иностранных наёмников, которые составляли до половины всех солдат [2, S. 41]. Вторым столпом прусской военной доктрины являлись жёсткая дисциплина и телесные наказания, которые были ответом на массовые дезертирства, являвшиеся настоящим бичом прусской армии XVIII в. Муштра и строгий надзор должны были, по идее Фридриха Великого, превратить армию в идеально слаженный, но безвольный инструмент в руках монарха [3, S. 213].

Наконец, ещё одной отличительной особенностью фридрицианской системы было разделение военной и гражданской сфер общества. Оно выразилось в том, что широкие слои населения, в первую очередь образованное и зажиточное бюргерство, были освобождены от несения военной службы. Офицерские звания и высшие командные посты в армии были зарезервированы исключительно для представителей дворянского сословия. Средние слои не имели никакого контроля над вооружёнными силами и к несению воинской службы не допускались. Эксклюзивной привилегией повелевать и командовать обладало только прусское юнкерство, поэтому фридрицианское военное устройство можно считать особым вариантом компромисса между короной и дворянством [4, S. 165]. По этой причине идея всеобщей воинской повинности, народного восстания или вооружения народа была чужда классической прусской доктрине. Общество не ассоциировало

себя с теми военными целями, которые ставила перед собой политическая элита, и не поддерживало их.

Прусские военные порядки подвергались неустанной критике со стороны как гражданских лиц, так и самого офицерства. Наиболее ярким сторонником военной реформы был Герхард фон Шарнхорст, который до 1806 года предложил ряд проектов по реорганизации прусской армии и созданию прусской национальной милиции по французскому образцу, однако ни одно из требований будущего героя Освободительных войн так и не было выполнено [5, S. 210–212]. Лишь сокрушительное поражение Пруссии в войне 1806–1807 гг. против Франции, поставившее королевство на грань уничтожения, обнажило все недостатки прусской военной системы и убедило правящие круги в необходимости коренных преобразований.

Военные реформы 1807–1811 гг. радикальным образом изменили облик прусской армии. Офицерский корпус был открыт для лиц недворянского происхождения, повысился статус прусского офицера, к которому стали предъявляться более высокие требования. Чинопроводство стало базироваться на принципе личных заслуг, а не выслуге лет или сословной принадлежности. Были отменены унижительные телесные наказания, за каждым солдатом было признано право на индивидуальную честь. Был введён запрет на привлечение иностранных наёмников – отныне прусская армия стала подлинно национальной. Для создания позитивного образа армии стала применяться патриотическая идеология, которая, кроме того, должна была дать солдатам и офицерам должную мотивацию [6, S. 168–169]. Лишь одна мера так и не была реализована до 1813 года – это введение всеобщей воинской повинности, на чём так рьяно настаивали военные реформаторы. Несмотря на проекты и предложения Герхарда фон Шарнхорста и его коллег, прусская политическая элита так и не решилась на столь радикальный и революционный шаг. Требовалась ещё одна кризисная ситуация, которая могла заставить прусского короля и его окружение изменить свою позицию и согласиться на то, чтобы превратить Пруссию в «нацию с оружием в руках» (*Nation unter Waffen*), как того желали военные реформаторы.

И такой кризис наступил осенью – зимой 1812 года, после поражения русского похода Наполеона Бонапарта. Прусский король оказался в чрезвычайно сложной ситуации, когда следовало выбирать: либо продолжать оставаться союзником Франции, либо перейти на сторону России. Пока Фридрих Вильгельм III обдумы-

вал возможные риски, решение за него приняли военные: командующий прусским корпусом генерал Людвиг Йорк фон Вартенбург заключил в конце декабря 1812 года знаменитую Таурогенскую конвенцию, которая стала первым шагом к формированию русско-прусского союза. Конвенция фактически была актом мятежа со стороны прусского военачальника по отношению к собственному правительству, так как никакого одобрения из Берлина она не получила, однако она нашла широкую поддержку со стороны прусского генералитета и ближайшего окружения прусского короля. Желание российского императора Александра I продолжить войну против Франции в Европе также убедило Фридриха Вильгельма III в возможности избавиться от наполеоновского диктата [7, S. 40–42]. Решающим фактором стали события января 1813 года, когда российские войска прибыли в Восточную Пруссию. Бывший первый министр Пруссии, барон Генрих Фридрих Карл фон унд цум Штайн получил от российского императора фактически неограниченную власть над провинцией. Барон и его коллега генерал Йорк фон Вартенбург начали подготовку Восточной Пруссии к антифранцузскому восстанию, местный Ландтаг одобрил создание национальной милиции – Ландвера [8, S. 56]. Восточная Пруссия могла полностью выйти из-под контроля центрального правительства.

Эти события заставили прусского короля начать военную и дипломатическую подготовку к предстоящему столкновению с Францией. Ещё 21 января 1813 года Фридрих Вильгельм III покинул занятый французским гарнизоном Берлин и переместился в Бреслау (Вроцлав), административный центр Силезии на некоторое время фактически стал столицей Пруссии. По поручению Александра I в начале февраля 1813 года в Бреслау прибыл бывший прусский министр барон фон унд цум Штайн, который должен был известить прусского короля о событиях в Восточной Пруссии, а также предложить заключить союз с Россией. В свою очередь, Фридрих Вильгельм III отправил в ставку российского императора своего посланника Карла Фридриха фон дем Кнезебека. По итогам переговоров 28 февраля 1813 года был подписан Калишский союзный договор, оформивший Шестую коалицию. Через полмесяца, 17 марта, Пруссия объявила войну Франции.

Военная мобилизация, объявленная прусским королём за полтора месяца до начала военных действий, 1 февраля 1813 года, проходила по двум направлениям – идеологическому и организационному, причём первое направление было не менее важным, чем второе. Прусское

политическое руководство отдавало себе отчёт в том, что одержать победу в предстоящей войне с помощью традиционных методов классической кабинетной войны XVIII в. было невозможно. Эта была та самая война, о которой ранее писали Герхард фон Шарнхорст, Карл фон Клаузевиц и другие военные реформаторы, – война «экзистенциальная», ведомая не для приобретения новых территорий или сохранения баланса сил в Европе, но ради спасения политического коллектива, сохранения Пруссии как независимого и самостоятельного государства [9, S. 87–88]. Для успешного противостояния наполеоновской Франции следовало мобилизовать всё население Пруссии, сделать войну делом всей прусской нации. Эта тенденция нашла своё отражение в манифесте Фридриха Вильгельма III «К моему народу», опубликованному 20 марта 1813 года. Королевский манифест был беспрецедентным событием, ибо впервые за всю историю Пруссии монарх напрямую обращался к своим подданным с призывом сражаться и умирать за Отечество – представить себе что-либо подобное в эпоху Фридриха II было бы просто невозможно. Война 1813 года ознаменовала собой полный разрыв с классическими фридрицианскими традициями и дала возможность военным реформаторам реализовать на практике все те проекты, которые они разрабатывали в 1807–1811 годах [10, S. 72–73].

Не менее сложная задача стояла перед прусским правительством и в организационном плане. К началу военных действий в Пруссии и около её границ имелось около 150 000 французских войск, в то время как сама прусская армия насчитывала около 120 000 человек, которые были разбросаны по территории всего королевства, к тому же из этого числа оперативно можно было задействовать не более 40 000–50 000 человек [11, p. 47]. Ещё пока не было создано инструментов для быстрой мобилизации населения. Для того чтобы привлечь в армию представителей тех сословий, которые традиционно были освобождены от несения воинской службы, прусское правительство решило сделать ставку на принцип добровольности. 3 февраля 1813 года был издан манифест о формировании добровольных егерских отрядов (пехоты и кавалерии), которые должны были служить в качестве резервных войск и поддерживать основные вооружённые силы. Добровольцы имели право выбирать род войск и подразделение, в котором собирались нести военную службу, также они имели право выбирать себе офицеров. Отряды егерей считались самостоятельными тактическими единицами и не интегрировались в регулярную армию, соответ-

ственно, жёсткие военные порядки на них не распространялись. Эти меры были призваны сделать службу максимально приемлемой для широких слоёв населения. Имелась и одна важная особенность – добровольцы должны были закупать вооружение, амуницию и обмундирование за свой счёт, таким образом, данный манифест ориентировался в первую очередь на зажиточные слои [2, S. 46].

Мобилизация добровольцев имела относительный успех: к середине марта 1813 г. численность отрядов егерей составляла около 3000 человек, к августу 1813 г. – около 8000. Всего же за 1813–1814 гг. в качестве добровольцев на службу поступило до 30 000 человек [12, S. 213–214]. Добровольческое движение носило в основном мелкобуржуазный характер: около 40% вступивших в прусскую армию по своей воле происходили из среды ремесленников, 15% – из крестьян, лесников и егерей, 14,5% добровольцев происходили из семей крестьян и наёмных сельскохозяйственных работников, около 12% составляли представители образованных сословий (студенты, чиновники, лица свободных профессий), около 10% являлись выходцами из торгово-купеческих слоёв. Таким образом, является ошибочным мнение о том, что большую часть добровольцев составляли студенты и образованные бюргерские слои [7, S. 53–54]. Имелись и существенные территориальные различия: наибольшее число добровольцев (около 37%) дали центральные провинции королевства (Бранденбург), где лояльность населения по отношению к правящей династии была традиционно выше. На втором месте оказалась Силезия, где, несмотря на двойственное отношение к центральному правительству в Берлине, военная мобилизация оказалась достаточно успешной – 19% добровольцев происходили из этой провинции. Удивительно мало добровольцев дала коронная провинция Гогенцоллернов – Восточная Пруссия, всего лишь 13,4%. Гораздо меньше добровольцев дали католические территории Пруссии – бывшие западные территории в Вестфалии (7,3%) и Западная Пруссия (4,7%). Общее число добровольцев в 1813–1815 гг. составляло 10% от всех вооружённых сил Пруссии [13, S. 416, 419].

В исследовательской литературе идут споры относительно эффективности добровольческих отрядов. Во-первых, отмечается достаточно низкий уровень военной подготовки добровольцев, а также недостаток вооружения и обмундирования: из 8000 бойцов 1813 года лишь 3000 могли самостоятельно вооружить себя, остальным приходилось прибегать к фондам добровольных пожертвований [12, S. 214].

Во-вторых, для добровольческих отрядов был характерен высокий уровень дезертирства, который в целом составлял до 5% всех сил, но иногда достигал 20–25% [13, S. 426]. В-третьих, ставится под сомнение роль добровольных отрядов в военном успехе Пруссии. Особенно это касается самого известного формирования, которое получило общенемецкую известность, – Фрайкор под командованием Адольфа фон Лютцова. В отличие от традиционного представления о национальном характере отряда Лютцова и его военной эффективности в современной литературе господствует мнение о том, что в действительности знаменитый Фрайкор не имел практически никакого значения для реальных военных действий [14, S. 218].

Однако прусское правительство делало ставку не только на добровольцев, с помощью которых покрыть необходимое число солдат было невозможно. Поэтому принцип добровольного призыва в армию шёл рука об руку с принуждением к военной службе. 9 февраля 1813 года Фридрих Вильгельм III подписал «Постановление об отмене всех освобождений от кантональной обязанности на время ведения войны», согласно которому всё мужское население королевства в возрасте 17–24 лет подлежало обязательному призыву в армию. Постановление фактически вводило персональную воинскую повинность без возможности замещения или откупа. Защита Отечества была объявлена обязанностью каждого жителя государства. Тот факт, что данная мера так легко и быстро была осуществлена, объясняется тем, что всеобщую воинскую обязанность предполагалось ввести только на время военных действий и отменить после их завершения. Вряд ли прусский король и его окружение предполагали, что всеобщая воинская повинность станет постоянным и наиболее прочным достоянием эпохи Освободительных войн.

Весь февраль и первую половину марта 1813 года военно-политическое руководство Пруссии занималось разработкой методов и форм мобилизации военнообязанного населения. 15 марта 1813 года вся территория королевства была поделена на 4 военных округа, в пределах каждого из которых осуществлялась мобилизация. Через два дня, 17 марта 1813 года, Фридрих Вильгельм III подписал указ о создании прусской национальной милиции – Ландвера, куда призывались все боеспособные мужчины 17–40 лет. Основным тактическим формированием Ландвера являлась бригада, которая состояла из 4 батальонов по 600–800 человек и 1–3 эскадронов по 72–96 бойцов. Каждой бригаде присваивался свой номер, а также название той

провинции, где она набиралась. Три бригады составляли дивизию. Военное командование предполагало призывать в Ландвер около 120 000 человек, что должно было составить 2,6% населения Пруссии. Необходимое количество призывников предполагалось призвать за апрель – первую половину мая 1813 года, однако в действительности необходимой численности прусский Ландвер достиг только к августу 1813 года [15, S. 16–19].

Общее руководство мобилизацией осуществляло Военное министерство. Вся организация по привлечению призывников, их вооружению и военной подготовке была возложена на провинциальные округа, в рамках которых создавались специальные комитеты, в состав которых входили четыре депутата – два от представителей местных землевладельцев, по одному от крестьянства и городов. Округные комитеты определяли необходимое число призывников, выдвигали кандидатуры на офицерские должности, а также осуществляли общий надзор над комплектованием и вооружением батальонов и эскадронов. В идеале призыв должен был осуществляться на основе привлечения добровольцев, однако ввиду их недостаточного количества вводился принцип жеребьёвки. Военная мобилизация в Ландвер не имела ничего общего со спонтанным народным движением, призыв на основе всеобщей воинской повинности проводился сверху, под строгим контролем местных органов власти, наряду с добровольческой тенденцией вполне чётко прослеживалось принуждение к воинской службе [13, S. 398–399].

Прусское военное командование не имело опыта массового призыва населения в армию, поэтому выполнить намеченный план к предусмотренному сроку не удалось. В весенней кампании 1813 года подразделения Ландвера практически никакого участия не принимали. 4 июня союзники подписали с Наполеоном Плесвицкое перемирие, которое закончилось 10 августа, таким образом, у прусского правительства имелось всего два мирных месяца, в течение которых следовало завершить военную мобилизацию. И это вполне удалось: к началу осенней кампании 1813 г. прусская армия насчитывала уже 245 000 человек, 113 000 из которых составляли бойцы Ландвера (46% всех наличных вооружённых сил). Вместе с добровольными отрядами доля призванных в рамках всеобщей мобилизации составляла 54% [16, S. 37]. Вместе с регулярными войсками в общей сложности было мобилизовано 45% военнообязанных в возрасте от 18 до 45 лет, или 16% всего мужского населения королевства [17, p. 180]. К весенней кампании 1814 г. прусская армия

насчитывала уже 300 000 человек – это была действительно впечатляющая цифра для маленького государства с населением около 5 миллионов человек. Для сравнения, в XVIII в. в армию призывалось около 2–4% мужского населения королевства, в 1807–1812 гг. вооружённые силы Пруссии официально составляли 0.84% от всего населения [18, S. 32]. Первое крупное сражение, в котором приняли участие бойцы Ландвера, состоялось 23 августа 1813 г. у местечка Гросберен недалеко от Берлина. Союзным русско-пруско-шведским войскам удалось отбросить войска маршала Николя Удино и не дать французам захватить прусскую столицу. В этой битве призванные в Ландвер пруссаки впервые доказали свою боеспособность и эффективность [11, p. 182].

Как было отмечено выше, Ландвер всё же не стал подлинно народным войском, так как его организация планировалась и осуществлялась сверху, точно так же, несмотря на впечатляющие цифры, он не охватывал всё население Пруссии. Между тем военные реформаторы во главе с Герхардом фон Шарнхорстом желали видеть под ружьём всю прусскую нацию, которая как единый организм должна была оказывать сопротивление врагу. Эта идея нашла своё воплощение в виде общенародного ополчения, или Ландштурма. Пытаясь убедить короля в необходимости создать народное ополчение, Шарнхорст и Гнейзенау подали в начале апреля 1813 г. меморандум, в котором говорилось: «Нынешняя война – это не обычная война. Борьба идёт не за отдельную провинцию, а ради защиты трона, ради независимости нации, за высшие блага и ценности нашей жизни... Для достижения победы мы должны приложить все усилия: каждый житель государства, относится он к армии или нет, обязан прямо или косвенно принять участие в этой борьбе. Только подобное распоряжение (о созыве Ландштурма. – *Д.С.*), которое приведёт в движение все силы нации, может спасти трон и обеспечить нашу независимость... Если мы не задействуем все находящиеся в нашем распоряжении силы, способные обеспечить защиту государства, не только действующую армию, но физические и моральные силы всей нации, то мы никогда не добьёмся успеха» [19, S. 153–156]. В этом меморандуме чётко прослеживается стремление реформаторов максимально использовать все доступные ресурсы государства и привлечь всю прусскую нацию к борьбе за спасение политического коллектива.

Уступив требованиям своего окружения, 21 апреля 1813 года Фридрих Вильгельм III подписал указ о создании Ландштурма. Каждый

пруссак в возрасте от 15 до 60 лет, не служащий в регулярной армии, Ландвере или добровольческих отрядах, автоматически записывался в Ландштурм. Подразделения Ландштурма создавались на локальном уровне (округа и районы) и должны были служить исключительно защите провинции, за пределами которой, в отличие от подразделений Ландвера, они не использовались. Для организации мобилизации и разработки тактических планов в каждом округе создавался специальный комитет из представителей местного дворянства, крестьянства и горожан. Кандидаты на высшие командные должности Ландштурма назначались либо военным губернатором, либо местным гражданским правительством, зато офицеры и унтер-офицеры могли избираться рядовым составом, однако только из представителей местных землевладельцев, чиновничества или образованного бюргерства. Тренировки в Ландштурме проводились ежедневно, в том числе по праздникам и выходным дням [20, S. 293–294].

Тактически Ландштурм ориентировался на методы испанской герильи или русских партизан. В случае угрозы захвата той или иной территории разрешалось прибегать к тактике «выжженной земли»: следовало эвакуировать население, уничтожить все наличные запасы продовольствия, сжечь мельницы и амбары, засыпать камнями колодцы, разрушить мосты, увести скот. В случае захвата врагом города или деревни рекомендовалось пассивное сопротивление: местное правительство должно было немедленно уйти в отставку, жителям запрещалось каким-либо образом помогать оккупантам, приносить присягу верности, предоставлять питание, жильё или одежду. Поощрялась организация различных диверсионных актов по отношению к врагу, в частности разграбление продовольственных обозов, нападение на отряды врага, разрушение средств коммуникации, изъятие оружия и амуниции, перехват полевой почты и т.д. Бойцы Ландштурма должны были создавать всеобщий хаос и максимально осложнять жизнь оккупантам [13, S. 401]. Пруссия впервые сталкивалась с тотальной войной, в которой солдатом был каждый житель государства.

Однако тотальная война продлилась недолго, всего лишь три месяца. В июле 1813 г. король подписал новый указ, согласно которому Ландштурм терял свою самостоятельность и становился резервом Ландвера. Тренировки в Ландштурме были ограничены, применение тактики «выжженной земли» запрещалось. Фактически прусское правительство отказалось от идеи массовой народной войны, и на это имелись причины. Во-первых, вооружение народа

вызывало справедливые опасения со стороны имущих классов, мобилизация низших слоёв населения казалась слишком революционной мерой, способной потрясти основы государства. Прусские правящие круги боялись своих подданных больше, чем врага. Во-вторых, возникали и определённые организационные трудности. Экипировка бойцов Ландштурма оставляла желать лучшего, вместо ружей или пик крестьяне были вооружены вилами, косами и топорами, соответственно, серьёзной силы не представляли. Оружия не хватало даже для Ландвера, поэтому призванные в Ландштурм должны были вооружаться и экипироваться за свой счёт, что по понятным причинам не вызывало особого энтузиазма. Низкой была и посещаемость тренировок Ландштурма. В-третьих, свою роль продолжали играть и традиционные ментальные установки. Крестьяне, которые составляли большинство призванных в Ландштурм, рассматривали войну как дело армии, профессиональных военных, а не всего народа в целом, поэтому особого интереса к делу защиты Отечества от врага не проявляли. Мобилизовать столь низко мотивированное население на народную войну было практически невозможно. Даже в сентябре – октябре 1813 года, когда центральные районы Пруссии были заняты врагом, а национальная столица была под угрозой, из запланированных 6000 бойцов Ландштурма удалось мобилизовать всего лишь 1200 человек, то есть 20% [21, S. 38]. Народная война по примеру испанской герильи или русского партизанского движения в прусских условиях оказалась утопией.

Несмотря на многочисленные нюансы, прусскому правительству уже к концу 1813 года было понятно, что возврат к классической фридрицианской военной системе был невозможен. Военная мобилизация по новому образцу доказала свою эффективность, теперь её следовало сделать постоянным элементом нового военного устройства. Работа над законодательным закреплением всеобщей воинской повинности началась незадолго после взятия Парижа союзными войсками и капитуляции Франции. 3 июня 1814 г. военным министром Пруссии был назначен Германн фон Бойен, который возглавил комиссию по разработке нового военного закона. Через три месяца, 3 сентября 1814 года, Бойен подписал «Закон о воинской обязанности», который окончательно вводил всеобщую воинскую повинность в Пруссии для лиц мужского пола старше 20 лет. Согласно параграфу 4, все вооружённые силы государства делились на 4 части: регулярная армия, Ландвер первого призыва, Ландвер второго призыва и Ландштурм. По идее законодателей, каждый при-

зывник должен был пройти все ступени воинской службы: 3 года в регулярных войсках, затем 2 года в резерве, после чего 7 лет в Ландвере первого призыва и столько же в Ландвере второго призыва. После прохождения всех этих ступеней призывник записывался в Ландштурм, где числился до 50 лет, после чего воинская обязанность заканчивалась [22, S. 64].

Однако и эта идея осталась только на бумаге, в действительности из-за финансовых причин призывать большое количество молодых людей в регулярную армию оказалось невозможным, поэтому далеко не все лица призывного возраста по достижении 20 лет отправлялись служить в регулярную армию, многие отправлялись сразу в Ландвер первого (резервная армия на случай военных действий) или второго призыва (гарнизонная служба в крепостях), либо вообще зачислялись в Ландштурм без прохождения регулярной военной службы. Военное командование предполагало ежегодно призывать в вооружённые силы 82 000 человек, в действительности же призывалось не более 30 000 молодых людей, около 20 000 сразу записывались в Ландвер [2, S. 49]. Таким образом, на практике воинская повинность оказалась не такой уж и всеобщей, как изначально предполагали реформаторы.

Военный закон 1814 г. носил ярко выраженный компромиссный характер. Несмотря на распространение воинской обязанности на всё мужское население Пруссии, правительство всё же пошло на уступки как по отношению к дворянству, так и по отношению к бюргерским слоям. С одной стороны, не состоялось всеобщего вооружения народа, Ландштурм предполагалось созывать лишь в самых крайних случаях, в реальности он оказался фикцией. С другой стороны, законодатели постарались сделать военную службу максимально приемлемой для средних слоёв: срок пребывания в регулярной армии составлял 3 года, для добровольцев и лиц с высшим образованием он сокращался до одного года, многих призывников сразу зачисляли в Ландвер или Ландштурм без прохождения регулярной службы, офицерский корпус Ландвера был открыт для лиц недворянского происхождения, тем самым предоставлялась возможность сделать военную карьеру для тех, кто ранее был лишён такой привилегии [23, S. 88–89]. Идея подлинно всеобщей воинской обязанности в масштабах всей нации так и не вышла за пределы намерений. Краткосрочный эпизод создания прусской народной армии завершился отставкой Бойена в 1819 году и переходом прусского правительства к консервативной политике [24, S. 146–147].

«Нация с оружием в руках», которую желали видеть Герхард фон Шарнхорст, Германн фон Бойен и другие реформаторы, появилась лишь в самом приближённом виде. Однако усилия военных реформаторов нельзя считать напрасными. Впервые в истории Пруссии к военной службе были привлечены представители тех слоёв, которые обычно от неё были освобождены. Пусть в результате реформ каждый солдат не стал гражданином, однако был сделан значительный шаг вперёд к тому, чтобы каждый гражданин стал солдатом. Общество, наконец, стало ассоциировать себя с теми военными целями, которые преследовала политическая элита. Был окончательно преодолён разрыв между гражданским обществом и армией. Всеобщая воинская повинность стала одним из средств, которое объединяло всех пруссаков в единую нацию невзирая на чины и сословия. Поддержка со стороны широких слоёв населения, возможная только благодаря успешной мобилизации весны – лета 1813 года, позволила Пруссии выйти победительницей в новой войне с Францией. Эта победа, в свою очередь, обеспечила прусскому королевству статус великой державы. Введение всеобщей воинской повинности, пусть в ограниченной и несовершенной форме, можно считать самым удачным и долгосрочным преобразованием эпохи прусских реформ.

Список литературы

1. Botzenhart M. Reform, Restauration, Krise. Deutschland 1789–1847. Frankfurt am Main, 1985. 172 S.
2. Stübiger H. Die Wehrverfassung Preußens in der Reformzeit. Wehrpflicht im Spannungsfeld von Restauration und Revolution 1815–1860 // Foerster R.G. (Hg.). Die Wehrpflicht. Entstehung, Erscheinungsformen und politisch-militärische Wirkung. München, 1994. S. 39–54.
3. Leonhard J. Bellizismus und Nation. Kriegsdeutung und Nationsbestimmung in Europa und den Vereinigten Staaten. 1750–1914. München, 2008. 1019 S.
4. Büsch O. Militärsystem und Sozialleben im alten Preußen 1713–1807. Die Anfänge der sozialen Militarisierung der preußisch-deutschen Gesellschaft. Berlin, 1962. 207 S.
5. Kunisch J. Fürst – Gesellschaft – Krieg. Studien zur bellizistischen Disposition des absoluten Fürstentums. Köln, 1992. 244 S.
6. Müller R.-D. Militärgeschichte. Köln, 2009. 376 S.
7. Handbuch der preußischen Geschichte. Band II. Das 19. Jahrhundert und Große Themen der Geschichte Preußens. Herausgegeben von Otto Büsch. Berlin, 1992. 870 S.
8. Simon K. Die deutsche Frage vom Reichsende bis zur Reichsgründung (1806–1871). Tübingen, 2010. 446 S.
9. Echternkamp J. «Vom teutschen Kriegs- und Wehrmann». Nationalismus, Krieg und Militär in der Zeit der antinapoleonischen Kriege // Nationalstaat, Nationalismus und Militär. Herausgegeben von Hans Ehlert und Winfried Heinemann. Potsdam, 2007. S. 83–90.
10. Carl H. Der Mythos des Befreiungskrieges. Die «martialische Nation» im Zeitalter der Revolutions- und Befreiungskriege 1792–1815 // Föderative Nation. Deutschlandkonzepte von der Reformation bis zum Ersten Weltkrieg. Herausgegeben von Dieter Langewiesche und Georg Schmidt. München, 2000. S. 63–82.
11. Leggiere M.V. Napoleon and Berlin. The Franco-Prussian War in North Germany, 1813. Norman, 2002. 384 p.
12. Brandt P. Einstellungen, Motive und Ziele von Kriegsfreiwilligen 1813/14: das Freicorps Lützow // Dülffer J. (Hrsg.). Kriegsbereitschaft und Friedensordnung in Deutschland, 1800–1814. Münster – Hamburg, 1995. S. 211–233.
13. Ibbeken R. Preußen 1807–1813. Staat und Volk als Idee und in Wirklichkeit. Köln, 1970. 475 S.
14. Echternkamp J. Der Aufstieg des deutschen Nationalismus (1770–1840). Frankfurt am Main, 1998. 675 S.
15. Schmidt D. Die preußische Landwehr 1813. Berlin, 1987. 60 S.
16. Hagemann K. „Männlicher Muth und teutsche Ehre“. Nation, Militär und Geschlecht zur Zeit der antinapoleonischen Kriege in Deutschland. Paderborn u.a., 2000. 619 S.
17. Hagemann K. Revisiting Prussia's wars against Napoleon. History, culture, memory. Cambridge, 2015. 485 p.
18. Stübig H. Zwischen Reformzeit und Reichsgründung. Studien zur Entwicklung der preußisch-deutschen Armee im 19. Jahrhundert. Berlin, 2012. 178 S.
19. Scharnhorst G. von. Private und dienstliche Schriften. Köln, 2014. Band 8. Tragischer Vollender (Preußen 1813). 1020 S.
20. Walter D. Preußische Heeresreformen 1807–1870. Militärische Innovation und der Mythos der Roonschen Reform. Paderborn, 2003. 654 S.
21. Akaltin F. Die Befreiungskriege im Geschichtsbild der Deutschen im 19. Jahrhundert. Frankfurt am Main, 1997. 318 S.
22. Frevort U. Die kasernierte Nation. Militärdienst und Zivilgesellschaft in Deutschland. München, 2001. 458 S.
23. Becker F. Bilder von Krieg und Nation: die Einigungskriege in der bürgerlichen Öffentlichkeit Deutschlands 1864–1913. München, 2001. 601 S.
24. Pröve R. Stadtgemeindlicher Republikanismus und «die Macht des Volkes». Civile Ordnungsformationen und kommunale Leitbilder politischer Partizipation in den deutschen Staaten vom Ende des 18. bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts. Göttingen, 2000. 580 S.

**«NATION-IN-ARMS».
WAR MOBILIZATION AND THE UNIVERSAL CONSCRIPTION IN PRUSSIA, 1813 – 1814**

D.V. Sterkhov

The article focuses on the transformation of the Prussian military system during the War of the Sixth Coalition (1813 – 1814). The mobilization in Prussia is considered from two points of view: ideology and organization. Particular attention is paid to methods and forms of the universal conscription introduced in Prussia in the spring of 1813. An analysis is performed of the effectiveness of the volunteer free corps and the Prussian national militia (Landwehr and Landsturm). The Military Law of 1814 is regarded by the author as a compromise between the upper and the middle classes of the Prussian society. In conclusion it is stated that the Prussian victory in the War of the Sixth Coalition was mainly possible due to the successful war mobilization of 1813/14 – the first levy in mass in the Prussian history.

Keywords: Napoleonic Wars, War of the Sixth Coalition, Liberation Wars, Prussia, universal conscription, Gerhard von Scharnhorst, Landwehr, Landsturm, Lützow Free Corps, Hohenzollern.

References

1. Botzenhart M. Reform, Restauration, Krise. Deutschland 1789–1847. Frankfurt am Main, 1985. 172 S.
2. Stübig H. Die Wehrverfassung Preußens in der Reformzeit. Wehrpflicht im Spannungsfeld von Restauration und Revolution 1815–1860 // Foerster R.G. (Hg.). Die Wehrpflicht. Entstehung, Erscheinungsformen und politisch-militärische Wirkung. München, 1994. S. 39–54.
3. Leonhard J. Bellizismus und Nation. Kriegsdeutung und Nationsbestimmung in Europa und den Vereinigten Staaten. 1750–1914. München, 2008. 1019 S.
4. Büsch O. Militärsystem und Sozialleben im alten Preußen 1713–1807. Die Anfänge der sozialen Militarisierung der preußisch-deutschen Gesellschaft. Berlin, 1962. 207 S.
5. Kunisch J. Fürst – Gesellschaft – Krieg. Studien zur bellizistischen Disposition des absoluten Fürstenstaates. Köln, 1992. 244 S.
6. Müller R.-D. Militärgeschichte. Köln, 2009. 376 S.
7. Handbuch der preußischen Geschichte. Band II. Das 19. Jahrhundert und Große Themen der Geschichte Preußens. Herausgegeben von Otto Büsch. Berlin, 1992. 870 S.
8. Simon K. Die deutsche Frage vom Reichsende bis zur Reichsgründung (1806–1871). Tübingen, 2010. 446 S.
9. Echternkamp J. «Vom teutschen Kriegs- und Wehrmann». Nationalismus, Krieg und Militär in der Zeit der antinapoleonischen Kriege // Nationalstaat, Nationalismus und Militär. Herausgegeben von Hans Ehlert und Winfried Heinemann. Potsdam, 2007. S. 83–90.
10. Carl H. Der Mythos des Befreiungskrieges. Die «martialische Nation» im Zeitalter der Revolutions- und Befreiungskriege 1792–1815 // Föderative Nation. Deutschlandkonzepte von der Reformation bis zum Ersten Weltkrieg. Herausgegeben von Dieter Langewiesche und Georg Schmidt. München, 2000. S. 63–82.
11. Leggiere M.V. Napoleon and Berlin. The Franco-Prussian War in North Germany, 1813. Norman, 2002. 384 p.
12. Brandt P. Einstellungen, Motive und Ziele von Kriegsfreiwilligen 1813/14: das Freicorps Lützow // Dülffer J. (Hrsg.). Kriegsbereitschaft und Friedensordnung in Deutschland, 1800–1814. Münster – Hamburg, 1995. S. 211–233.
13. Ibbeken R. Preußen 1807–1813. Staat und Volk als Idee und in Wirklichkeit. Köln, 1970. 475 S.
14. Echternkamp J. Der Aufstieg des deutschen Nationalismus (1770–1840). Frankfurt am Main, 1998. 675 S.
15. Schmidt D. Die preußische Landwehr 1813. Berlin, 1987. 60 S.
16. Hagemann K. „Männlicher Muth und teutsche Ehre“. Nation, Militär und Geschlecht zur Zeit der antinapoleonischen Kriege in Deutschland. Paderborn u.a., 2000. 619 S.
17. Hagemann K. Revisiting Prussia's wars against Napoleon. History, culture, memory. Cambridge, 2015. 485 p.
18. Stübig H. Zwischen Reformzeit und Reichsgründung. Studien zur Entwicklung der preußisch-deutschen Armee im 19. Jahrhundert. Berlin, 2012. 178 S.
19. Scharnhorst G. von. Private und dienstliche Schriften. Köln, 2014. Band 8. Tragischer Vollender (Preußen 1813). 1020 S.
20. Walter D. Preußische Heeresreformen 1807–1870. Militärische Innovation und der Mythos der Roonschen Reform. Paderborn, 2003. 654 S.
21. Akaltin F. Die Befreiungskriege im Geschichtsbild der Deutschen im 19. Jahrhundert. Frankfurt am Main, 1997. 318 S.
22. Frevert U. Die kasernierte Nation. Militärdienst und Zivilgesellschaft in Deutschland. München, 2001. 458 S.
23. Becker F. Bilder von Krieg und Nation: die Einigungskriege in der bürgerlichen Öffentlichkeit Deutschlands 1864–1913. München, 2001. 601 S.
24. Pröve R. Stadtgemeindlicher Republikanismus und «die Macht des Volkes». Civile Ordnungsformationen und kommunale Leitbilder politischer Partizipation in den deutschen Staaten vom Ende des 18. bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts. Göttingen, 2000. 580 S.